

Простая наука для детей

Эдуард Вартаньян

ПУТЕШЕСТВИЕ В СЛОВО

**Откуда
берутся
заимствования?**

Как возникло слово okay?

Почему ПЛОМБИР так называется?

**Есть ли
суффикс-
невидимка?**

**Как
образуются
слова?**

Эдвард

Простая наука для детей

Эдуард Вартаньян
Путешествие в слово

«Издательство АСТ»

1982

УДК 087.5:811.161.1
ББК 81.2

Вартаньян Э. А.

Путешествие в слово / Э. А. Вартаньян — «Издательство АСТ»,
1982 — (Простая наука для детей)

ISBN 978-5-17-108043-3

«Путешествие в слово» – это необыкновенно увлекательная книга Эдуарда Вартаньяна, рассказывающая о жизни слов – об их происхождении (этимологии), видоизменении со временем, появлении новых значений... Ведь русский язык, на котором говорили сто или двести лет назад, здорово отличается от современного. Как возникают новые слова? Откуда берутся заимствования? Что такое фразеологизмы и зачем желают «ни пуха, ни пера»? Кто придумал слово «миллион» и почему пельмени так называются? Обо всём этом и многом другом нам поведаст автор. Для среднего школьного возраста.

УДК 087.5:811.161.1

ББК 81.2

ISBN 978-5-17-108043-3

© Вартаньян Э. А., 1982

© Издательство АСТ, 1982

Содержание

К читателю	6
Мастерская слова,	8
Срослись!	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эдуард Арамаисович Вартаньян

Путешествие в слово

© Вартаньян Э. А., насл., текст., 2018

© Губанов В. М., ил., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

К читателю

Я обращаюсь к тебе, юный читатель, собравшемуся в путь-дорогу по страницам книги.

Как ее читать? Последовательность не обязательна. Это не учебник. В один присест прочитать не удастся – кое о чем придется и поразмыслить.

О чем эта книга? Конечно, о словах. И еще о фразеологических оборотах. Исконно русских и иноземных, имеющих почтенный возраст и только что родившихся. О различных историях и метаморфозах, приключившихся с «героями» книги. Об их биографиях и родословных.

Книга приоткроет перед тобой немало лингвистических тайн.

Знаешь ли ты, например, словами из скольких языков пользуемся мы в повседневной речи? Отвечу: множеством слов из дюжины-другой языков. Невероятно? Давай посчитаем.

Класс – слово латинского происхождения. Школа – слово греческое. Портфель – французское, ранец – немецкое, карандаш – тюркское, тундра – финское, пионер – английское, томагавк – алгонкинское, конфета – итальянское, чай – китайское. Из голландского – люк, малайского – орангутанг, хинди – сахар, персидского – сироп, турецкого – киоск, японского – каратэ, ацтекского – шоколад, еврейского – бегемот.

На каждом шагу «путешествия» незримо расставлены вопросы «А знаешь ли ты, что?..»

«Путешествие в слово», выпущенное издательством «Советская Россия» в 1975 году, принесло автору благожелательные рецензии в печати и письма читателей – как юных, так и взрослых.

Но самым дорогим для меня и поныне является пересланное из издательства в марте следующего года письмо московского школьника. (Обратный адрес на конверте выглядел так: Москва, Брянская ул. 4, кв. 63. Лосеву Сергею Сергеевичу.) Он доводил до сведения, что прочел «Путешествие...» «от доски до доски».

«Я учусь, – писал Сергей Лосев, – в восьмом классе. Через два месяца у нас начнутся экзамены. Экзамен по русскому языку – один из самых трудных. Именно поэтому мы сейчас повторяем пройденное – начиная от самого четвертого класса. Я тогда подумал: нельзя ли использовать материал из этой книги для ответа на экзамене? В одном из билетов был вопрос: „рассказать об однозначных и многозначных словах русского языка“. В книге этому посвящена целая глава: „Дюжина фуксов“ и следующая за ней: „Двойники, но не братья“. У нас был зачет по пройденному материалу. Я готовился к нему, используя книгу Вартаньяна. На следующий день вызвался отвечать сам...»

Сережа, пространно рассказав о своем ответе, торжествующе сообщил, что «ответ был оценен „5“». Это, пожалуй, первый такой ответ на эту тему. Получить „5“ у нашей учительницы русского языка трудно...»

Бесхитростное письмо Сергея я воспринял как самую лестную оценку моих популяризаторских усилий и литературного творчества. Ведь пробудился активный интерес к родному языку, зернышко знаний заронено в благодатную почву – не в этом ли существо, смысл и предназначение труда популяризаторов?

Что хочется пожелать? Чтобы с книгой подружились тысячи других любознательных Сереж и Валь, Свет и Наташ. Ежели такое исполнится – значит, не понапрасну затрачены труд и время, значит, принесли они свой радостный результат – сознание общественной полезности дела, которому служишь.

Автор

Мастерская слова,

или первая в ряду глав, повествующих о том, «как делаются слова», а потому начинающая разговор о словообразовании с самого активного и распространенного способа обогащения лексики – способа аффиксации, то есть присоединения к основе слова приставок и суффиксов

Сколько слов в русском языке? На этот сакраментальный вопрос не может убедительно ответить ни один специалист, ни одна статистика.

Двести тысяч русских слов собрал в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль. В этот словарь наряду со словами литературного языка включены и диалектизмы – слова местных говоров, употребляемые ограниченными группами людей. Семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» насчитывает более ста тысяч слов – в основном общеупотребительных, известных всем. В этот словарь не вошли «специальные слова» – термины и профессионализмы – из различных областей науки и техники, диалектизмы, явно устаревшие слова и т. п. Количество этих слов никем не подсчитано. Нет еще словаря профессионализмов, не составлены терминологические словари из многих областей науки и техники, а ведь «специальные» слова то и дело проникают в общий наш язык. Короче, если все это лексическое богатство свести воедино да сосчитать... Ну, тогда их, этих слов, окажется столько, сколько...

Воздержусь от принятого сравнения «...сколько звезд на небе», «...сколько песчинок на морском берегу» и прибегну к восточному афоризму, который утверждает: «Если море было бы чернилами, то скорее иссякло бы море, чем слова».

И русский язык – великий, необъятный, «живой как жизнь», – продолжает непрерывно развиваться. Расширяется его лексический состав. Слова рожают другие слова, и поток их все нарастает, чтобы успеть назвать предметы, действия, явления безудержного взлета научной мысли и технических достижений.

Как «делаются» слова? Кто их автор, создатель, творец? Главный языкотворец, «мастерской» слова – народ. Это он создал такие «изначальные» слова, как земля, огонь, вода, деревья, солнце...

Конечно, не надо представлять себе дело так, что все люди как-то разом, одним махом, взяли да и назвали свое жилище словом дом... Нет, естественно, когда-то был первый неизвестный наименователь определенного понятия. Повторенное другим, употребленное десятками, слово обжилось, закрепилось в коллективе людей. Оно будет изустно передаваться от поколения к поколению и, пройдя сквозь время и пространство, придет к нам. Попробуйте-ка установить конкретное лицо, придумавшее это слово.

Пока же взглянемся в языковой процесс, именуемый **аффиксация**.

Есть много возможностей обогащения лексики.

Самым распространенным и активным способом словообразования является создание новых слов на базе старых – посредством присоединения к основе слова аффикса: суффикса, префикса или суффикса и префикса одновременно.

Большинство слов можно расчленить на морфемы.

Морфема – наименьшая значимая часть слова. Следовательно, морфема – это и корень слова, и суффикс, и префикс (приставка), и окончание. Так, в слове *прилетели* 5 морфем: *при-* (приставка), *-лет-* (корень), *-е-* (суффикс), *-л-* (суффикс), *-и* (окончание).

Корень – основная, неделимая, главная значимая часть слова. Он – главный выразитель смысла, хозяин слова, тогда как другие морфемы – служанки. Это он может стать родоначальником целой семьи слов. Корень *-лет-* без труда обнаруживается в таком гнезде слов, как полет, летный, летчик, летун, летать, прилет, отлет, самолет, залетный и десятки других слов. Есть немало слов без суффиксов и приставок, но нет слова без корня.

Суффикс – морфема, следующая за корнем и служащая для образования слов и грамматических форм. Суффиксы могут прикрепляться один к другому, как мы только что видели.

Префикс – морфема с таким же назначением, как и суффикс, только она идет впереди корня.

Окончание, как и суффиксы с приставками, не всегда присутствует в слове, но когда присутствует, то почти всегда его замыкает, стоит на конце (отсюда его название). Окончание – основная из морфем, образующих грамматические формы.

Основа – часть слова, которая остается, если отбросить окончание.

Постфикс – «частицы» *-ся*, *-те*, следующие за окончанием, если оно есть (например, в словах *баловаться*, *идите*).

Теперь присмотритесь к любому слову, в котором есть суффикс или префикс. Вы убедитесь, что они выражают вполне определенные и постоянные значения.

Существительные с суффиксом *-тель*, к примеру, обозначают лица по выполняемому ими действию; *искатель*, *испытатель*, *водитель*, *писатель*, *учитель*. Выступает этот суффикс (значительно реже) и в названиях неодушевленных предметов, производящих действия; *двигатель*, *указатель*, *краситель*. Подобные слова образуются, как правило, от глаголов.

Суффикс *-аг-* (*а*), орфографически *-яг-* (*а*) в существительных, обозначающих главным образом лица по их признакам и действиям, придает слову оттенок фамильярности, грубоватого сочувствия (*добряга, миляга, трудяга*), иронии или порицания (*деляга, хитряга*).

Интересную переоценку значения претерпело слово *стиляга*. Русский язык давно усвоил французское слово *стиль* (восходящее к древнегреческому *стилос* – «палочка для письма») в значении «слог, манера, вкус и т. д.», а также давно образовал слово *стильный* – «выдержанный в определенном стиле».

И вот вам *стиль* + *яга* = *стиляга* – слово, бытовавшее на первых порах только в жаргонном обиходе. Возникнув в языке в первые послевоенные годы, оно сначала имело явно одобрительную окраску. В жаргонной речи появились и родственники этого слова – *стилягть, стильнуть, стильжнить*.

С 1949 года наступает этап переосмысления слова. Именно тогда литераторы и журналисты дали бой людям «стиляжного» толка.

Первым в бой пошел «Крокодил». Писатель-сатирик Д. Г. Беляев в своем фельетоне из серии «Типы, уходящие в прошлое» поделился с читателем своими впечатлениями от встречи с одним таким стильягой. Автор, рассказав о манере стильяги держаться и его лексиконе, несколько необычном для человеческого языка, писал:

«Стилягами называют сами себя подобные типы на своем птичьем языке. Они выработали свой особый стиль – в одежде, в разговорах, в манерах. Главное в их „стиле“ – не походить на обыкновенных людей. И в подобном стремлении они доходят до нелепостей, до абсурда».

Приступив к осаде противника, наша печать стала бить стильяг их же оружием. Сатира превратила слово-саморекламу в слово-клеймо, вложив в него презрительно-осуждающий смысл. Уже войдя в литературный язык, слово дало производные: *стиляжество, стильяжничество*. Для чего созданы эти слова? Вероятно, для того, чтобы «убить явление, им означаемое».

Кстати сказать, это слово-однодневка давно уже умерло, его сейчас почти никто не употребляет, и бывшие стильяги или их наследники, успев побывать «битниками», заделались «хиппи». Кем-то они станут завтра?..

Родилось в Азии новое государство Бангладеш, потребовалось найти название для его граждан. И по образцу уже имеющихся слов с деятельным суффиксом *-ец*, образующим наиме-

нования лиц по географическому положению, мы образовали: *бангладешец*. Сравните: *Вьетнам* – *вьетнамец*, *Испания* – *испанец*.

Суффикс – большой «трудяга». Взялся за работу суффикс *-чанин* – и вот вам: *англичанин*, *датчанин*, *ростовчанин*... Другой образует названия лиц, обозначает профессию. Стоит только к корню слова присоединить *-ар* или *-яр*, как перед нами предстанут – *овчар*, *гусляр*. Взялся за работу суффикс *-ун* – и вот вам названия лиц по их действиям: *бегун*, *болтун*, *опекун* (хотя, отметим, суффикс может быть принадлежностью и таких, скажем, слов, как *грызун*, *скакун*, *валун*, *колун*).

Есть суффиксы, указывающие на отнесенность слов к существительным общего рода. Это уже упомянутый *-аг-(а)* (*молочага*, *работяга*); затем *-ул-(я)* (*чистюля*, *грязнуля*); *-он-(я)* (*соня*, *тихоня*); *-уш-(а)* (*копуша*, *дорогуша*) и другие. Эти же суффиксы, как вы видите, являются и оценочными.

Короче говоря, суффиксы – это мастера на все руки. Они могут вложить в слово субъективную оценку, образовать названия предметов... Они меняют у слов число, род, могут образовывать от одной части речи другие... Но и суффиксы живут по законам диалектики. Одни редко участвуют в образовании новых слов и явно отживают свой век. Другие являются активными, всюду трудятся.

Возьмем же на заметку: в случае необходимости в мастерской слова может быть создано множество слов по способу суффиксации.

Другие способы производства слов – префиксация и префиксация совместно с суффиксацией.

Правда, префиксы не столь всемогущи, как суффиксы. «Приставленные» к слову, причем всегда к готовому, они, как правило, не влияют на само существо понятия, придавая, тем не менее, слову новые оттенки значения (но могут придавать и новые, – подчас противоположные, значения).

Вот беру я глагол *бежать*. И, попеременно снабжая его различными приставками, получаю слова, в которых есть указание не только на направление движения, но и на его характер: *прибежать*, *убежать*, *подбежать*, *отбежать*, *перебежать*, *вбежать*, *набежать*...

Приставка *вне* – указывает на положение за пределами чего-либо: *внеземные цивилизации*; *около* – на расположение вокруг и возле чего-нибудь: *околоземная орбита* и т. д.

Особенно охотно приставки дружат с глаголами, прилагательными и наречиями, однако не чураются и существительных. В прилагательных префикс *на-* указывает чаще всего на расположение чего-то на чем-то: *настольный*, *настенный*, *нагорный*. Это *на-* в возвратных глаголах уже говорит об избыточности действия: *наиграться*, *набегаться*, *наслушаться*. Если вы скажете, что *намакаронились*, вас вполне правильно поймут: вы вдоволь наелись макарон. Подобные полушуточные образования нынче стали довольно часто появляться в непринужден-

ной товарищеской беседе. Можно, наслушавшись музыки Хачатуряна, «*нахачатуряниться*». Помните, Пушкин образовал слово *огончарован*, а Чехов – *замерсикал*.

Гибок язык человека; речей для него изобильно
Всяких; поле для слов и туда и сюда
беспредельно —

утверждал Гомер.

Если словообразовательная сила языка греков и языка римлян заключена в возможностях префиксации, английского – в переводе слов из одной части речи в другую, немецкого – в основосложении, то мощь и гибкость русского языка обусловлены не в последнюю очередь неисчислимыми комбинационными возможностями создания слов с помощью суффиксов и приставок. Именно это дает языку нашему, по наблюдению Н. Г. Чернышевского, «решительное превосходство... над другими европейскими языками по богатству и разнообразию словопроизводства».

И НАОБОРОТ...

Менее распространен в русском языке бессуффиксный способ словообразования (или, как его еще называют: безаффиксный способ, нулевая суффиксация) – процесс, как бы «обратный» только что рассмотренным. Отбросив от слова суффикс, мы получаем вполне самостоятельное новое слово, чаще всего существительное. Так образуются слова от некоторых глаголов, прилагательных, реже от существительных.

Например, от глаголов *ввозить* и *вывозить* образованы слова *ввоз* и *вывоз*, от глаголов *записывать* и *зажимать* – *запись* и *зажим*.

У Пушкина в «Евгении Онегине» есть слова, вызвавшие недоумение критики.

Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ.

Отвечая ревнителям чистоты русского языка, Пушкин писал: «В журналах осуждали слова: хлоп, молвь, топ, как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. „Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ“ (сказка о Бове-Королевиче). Хлоп употребляется в просторечии вместо хлопанье, как шип вместо шипение:

Он шип пустил по-змеиному».

Любопытно, что подобные образования Пушкин употреблял еще в «Песне о Стеньке Разине», написанной в 1826 году:

То не конский топ, не людская молвь...

Без труда найдем мы существительные, образованные от основ прилагательных. Когда я выучился читать, меня всегда поражали своей необычностью и грозным тайным смыслом слова на шкале барометра: «Великая сушь». Некоторые слова воспринимаются нами как вполне привычные: *даль*, *высь*, *гладь*, *тишь* (тишь да гладь), иные принимаются с оглядкой: это большей частью новообразования поэтов, порою уместные только в данных стихах и редко получающие самостоятельное значение: «*стынь в глазах*», «*розовая водь*», «*желть*» (от желтый), «*ясь*» (от

ясный). Из таких новообразований прижилось разве созданное поэтом-футуристом А. Крученых слово *заумь*, которое было выведено из выражения заумный язык и употребляется в значении «излишнее, ненужное мудрствование; бессмысленная речь», да северянинское *бездарь*, образованное от *бездарный*.

От некоторых слов, не имеющих суффикса, также можно образовать новые слова бессуффиксным способом (т. е. без добавления суффикса), например от *зеленый* образовалось *зелень*, от *добрый* – *добро*, от *маркиз* – *маркиза*.

СЛОЖИЛИСЬ!

А сейчас воспримите слово *словосложение* как термин языкознания, буквально определяющий один из способов словообразования.

Два, а то и три слова слагаются в одно. Такое сложение может осуществляться при помощи соединительных гласных *о* или *е*, что мы и видим в словах: *словосложение*, *словообразование*, *словотворчество*, *корнеплод*, *водогазлечебница*, *слепоглухонемой*, *змеелов*, *мореплаватель*.

Из двух или более слов родилось одно слово, которое вместило в себя сумму понятий, выражаемых каждым словом отдельно.

Всегда ли признаком сложного слова являются соединительные гласные *о* или *е*? Нет, иной раз роль объединителя слов берет на себя *у*: *двугорбый*, *полумесяц*.

В создании сложного слова может участвовать дефис – этот орфографический знак порою выступает в качестве соединительного шва между двумя словами: *жар-птица*, *царь-птица*. Это давние образования, и им ничего не грозит. Но вот я беру в руки вышедшие одновременно в 1969 году «Книгу о русском языке» под редакцией И. С. Ильинской и Орфографический словарь русского языка. В книге напечатано «борт-проводник». В словаре дается слитное написание этого слова. Я не зря обратил ваше внимание на разнобой. В последние годы все явственнее ощущается непрочность соединения слов посредством дефиса. И если традиция сохраняет такую черточку в словах старых, то в новообразованиях, не освященных употреблением, русский язык от лишнего знака может и освободиться. Потому сегодня нормой правописания будет бортпроводник, бортпроводница. Пномпень, а не Пном-Пень, как писалось раньше. И теперь, вопреки прежним рекомендациям словаря, пишут бефстроганов без дефиса.

Из последних примеров явствует, что сложное слово может обойтись как без соединительных гласных, так и без дефиса. В нашем языке подобных образований достаточно: Ворошиловград, Калининград, Новгород...

Вот другие сложные слова: *пятилетка*, *сорвиголова*, *Звенигород*. Считать ли *и* в пятилетке соединительной гласной или принять как окончание родительного падежа? Языковеды спорят. Но, видимо, здесь восторжествует принцип «золотой середины», а это значит, что *и* будет признан совместителем.

Подобные споры возникли и в отношении модели *сорвиголова*, образованной сложением глагола в повелительном наклонении и существительного. Но как бы то ни было, такой путь создания сложного слова существует.

Словосложением образуются слова не только в русском, но и в других языках. Непревзойденная способность немецкого языка нанизывать одно слово на другое и получать одно сложное слово, которое на одном дыхании и не выговоришь, прекрасно иллюстрируется примером, приводимым А. А. Реформатским. Так, супруга заместителя директора общества паровозных компаний в немецком языке передается: *dampfschiffahrtsgesellschaftsdirektorsstellvertretersgemahlin* (!).

Иронизируя над исключительной способностью немецкого языка к словосложению, Марк Твен иллюстрирует ее следующим шуточным рассказом:

«Дрезденская газета „Охотник“, которая думает, что в Южной Америке водятся кенгуру (Beutelratte), говорит, что готтентоты (Hottentoten) сажают их в клетки (Kotter), снабженные крышками (Lattengitter) для защиты от дождя. Поэтому клетки называются „латтенгиттерветтеркоттербейтельраттен“. Однажды был арестован убийца (Afctentater), который убил в Штреттертротеле готтентотку (Hottentotenmutter), мать двух глупеньких, заикающихся детей. Эта женщина по-немецки называется „Готтентотенштоттертроттельмуттер“, а ее убийца – „Готтентотенштоттертроттельмуттераттснтетер“. Убийцу посадили в клетку для кенгуру – „бейтельраттенлаттенгиттерветтеркоттер“, откуда он через несколько дней убежал, но был случайно пойман каким-то готтентотом, который с сияющим лицом явился к судье:

– Я поймал кенгуру, – «бейтельратте», – сказал он.
 – Какого? – спросил судья. – У нас их много.
 – Аттенетерлаттенгиттерветтеркоттербейтельратте.
 – Какого это – «аттенетер», о ком ты говоришь?
 – О «Готтентотенштоттертроттельмуттераттентетер».
 – Так почему же ты не сказал сразу: «Готтентотенштоттертроттельмуттераттентетерлаттенгиттерветтеркоттербейтельратте»?»

Заканчивая рассказ о сложном слове, укажу еще на способность его составляемых меняться местами. Хочешь – *блюдолиз*, хочешь – *лизоблюд*. Смысл один, а сложных слов уже – два. Такая же перестановка свойственна и слову *зубоскал*, из которого Грибоедов образовал – *Скалозуб*. Французы и так и сяк могут называть длинное раскладное кресло, в котором можно полежать: *шезлонг* и *лонгшез*.

Страничкой раньше упоминались слова: *сорвиголова*, *Звенигород*. Вот еще родственные им по способу образования: *скопидом*, *болиголов*, *вертишейка*. Эти слова могут быть, пусть с оговоркой, отнесены к разряду сложных слов. А как образованы такие слова, как *близлежащий*, *сумасшедший*, *вечнозеленый*, *долгоиграющий*, *впередсмотрящий*, *быстротекущий*, *глубокоуважаемый*, *сейчас*, *сегодня*?

Близлежащий – из *близ* + *лежащий*, *сумасшедший* – *с* + *ума* + *сшедший*, *вечнозеленый* – *вечно* + *зеленый*... Или: *лежащий близ*, *сошедший с ума*, *зеленый вечно*, *играющий долго*... Видимо, перед нами образцы еще одного типа словообразования, чем-то напоминающего сложение и чем-то от него отличающегося. Так оно и есть: эти слова образованы способом сращения – слияния, стяжения в одно слово словосочетаний.

Сращение отличается от сложения тем, что «сращенные» слова по морфемному составу полностью совпадают с образующими их словосочетаниями (сравните сложное слово *металлорежущий* – *режущий металл* и *быстротекущий* – *текущий быстро*).

Я рассказал только о некоторых путях создания новых слов. Специалисты насчитывают до двенадцати способов словообразования. Часть из них осталась за пределами моего рассказа. Многие языковедческие «тонкости» не нашли места в этой книге, ибо задумана она как книга для чтения, а не как учебник, скрупулезно исследующий и разъясняющий глубинные процессы в языке.

Срослись!

Или глава о знакомых словах, способ словообразования которых возможно опознать лишь путем этимологического анализа, ибо, вступив в нерасторжимый союз, составляющие их части претерпели значительные изменения

Теперь обратите внимание на приведенные как примеры сращений слова *сейчас* и *сегодня*. Употребляя их, вы, может быть, не задумываетесь, что они образовались из *сей* + *час*, *сега* + *дня*. Эти слова возникли давно, одна из составляющих их частей устарела, и они прочно срослись. Но в этих словах сравнительно легко выделяются составляющие части. В других участники объединения распознаются с трудом, ибо они претерпели множество различных изменений.

Предлагаю вам краткие этимологические истории некоторых слов. Только после оговорки: надо сказать, что не все еще глубинные процессы словообразования досконально исследованы, четко разграничены, еще далека от совершенства классификация способов образования новых слов.

Спасибо произносите вы, возможно, не подозревая, что возникло слово из формулы «*спаси (вас) бог*».

Дотла, то есть *до дна*, *до основания*, образовалось из *до* + *тла*, где *до* – предлог, а *тла* – родительный падеж единственного числа общеславянского слова *тло* – «дно, пол, основание».

Нет – слитое в единое словцо (а затем и упрощенное) сочетание: *не есть* – *несть* – *нет* (сравните выражение: *им несть числа*).

Теперь – союз двух слов – указательного местоимения среднего рода *то* и прилагательного того же рода *първо* (первое, имевшее значение «прежде, сначала, впервые»). Получилось *топърво*, которое и изменилось в нынешнее *теперь* (как объясняют этимологи: «в результате развития *о* в *е* под действием межслоговой ассимиляции, *ь* > *е* после падения редуцированных, а также в результате отпадения безударного слога *во*»):

То + *първо* – *топърво* – *тепърво* – *теперео* – *теперя* – *теперь*.

Компоненты слова прослушиваются лишь в ряде говоров: «таперича», «таперя», «перво-наперво».

Дотошный со значением «пытливый, въедливый» развилось из сочетания *до точи* (до точки). Еще лет двадцать назад это слово писалось так: *дотошный*. Но потом орфография подчинилась произношению, мы стали писать, как говорим. (А вот в *конечно* *ч* все еще удерживает позиции на письме, хотя каждый образованный человек скажет: «конечно».)

Подоплека. «Мы боимся даже невзначай обнаружить ту сокровенную подоплеку, которая составляла основу всей нашей жизни», – читаем мы у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Слово *подоплека* употреблено здесь иносказательно: «скрытая основа, тайная причина чего-либо». Прямое же значение этого слова – «подкладка крестьянской рубахи, прикрывающая спину и грудь до половины», буквально – «подплечье»: ведь диалектное слово *плеко* и есть плечо. В свое время в крестьянском быту были распространены выражения *своя подоплека к сердцу ближе*; *знает грудь да подоплека*.

Сутки трудно, на первый взгляд, отнести к словам с прозрачной этимологией. А между тем это слово с распространенным способом образования, с лежащей на поверхности внутренней мотивировкой. Расчленим его, получим: *су* + *тк* + *и*. *Су* (*с*, *со*) – приставка. Она присутствует в таких, скажем, словах, как *сумерки*, *спутник*, *соратник*. *Тк* – преображенный со временем древний корень *тък*, который существует и поныне в словах *ткнуть*, *соткнуть* или в

космическом – *стыковка*. *И* – показатель множественного числа. Таким образом, слово *сутки* русский язык создал для обозначения единицы времени, образуемой слиянием дня и ночи.

Показательно, что даже в развитых европейских языках: английском и испанском, французском, немецком и итальянском – понятие «сутки» может быть выражено лишь словами день и ночь или двадцать четыре часа.

Неделя. Первоначально неделей назывался день отдыха. Все ясно, все верно: *неделя* от *не делати* – «день, свободный от дел». То, что мы сейчас называем неделей, во всех славянских языках именовалось *седмичей* – «семидневкой». Первый день семидневки назывался понедельником – он следовал за неделей.

Позже слово седмица получило отставку. Его место было занято неделей. Выходной день стал называться воскресеньем.

Слово *неделя* взяло на себя и другие смысловые функции. Оно обозначает сейчас и любые семь дней подряд, и не только семь дней, ибо существуют укороченные недели: неделя шестидневная и пятидневная.

Тезка. Если не мудрствовать лукаво и не приводить фонетические метаморфозы, сплавившие местоимение тот с древней частицей *з*, то полученное *тез*, *тыз*, *тоз* можно расшифровать очень просто: «тот же самый, одноименный». Присоединенный затем суффикс *-к(а)* образовал существительное *тезка* – «человек, носящий одинаковое с кем-либо имя».

Тезками, к примеру, являются выдающийся английский писатель-утопист Томас Мор и сорванец Томас Сойер, правда, последнего, по его же признанию, полным именем Томас звали лишь тогда, когда хотели выпороть.

Туземец. Это слово я в юношеские годы воспринимал как ярко выраженный экзотизм. А между тем оно совсем «нашенское», давнее русское слово. Оно легко членимо на образовавшие его части, убедительно мотивировано. *Ту* (местоимение) + *зем* (корень *земь*, сравни: земля) + *ец* (суффикс), то бишь «тутошной (тамошной) земли уроженец».

За время своего многовекового бытования слово *туземец* употреблялось для обозначения то уроженца данной местности, то жителя удаленной от центров цивилизации местности, страны. (На употребление слова в этих значениях сначала не влияли даже привлеченные в наш язык такие интернациональные термины, как греческий автохтон и латинский абориген (коренные жители страны).

Гончаров во «Фрегате „Паллада“» пишет: «Мимо фрегата редко и робко скользят в байдарках полудикие туземцы».

У Достоевского: «Здесь я встретил одного из туземцев, старого Гаврилу, бывшего когда-то моим дядькой». («Туземец Гаврила» – сейчас, пожалуй, не звучит!)

Значение некоторых «не простых» слов можно вывести из значения их компонентов. Но есть и такие слова, значение которых уже не является простой суммой слагаемых значений. Новое смысловое содержание сложное слово может получить как в своем языке, так и при заимствовании.

Куролесить. Степка, персонаж «Господ Головлевых» Салтыкова-Щедрина, частенько «принимался куролесить. То косынку у девки Анютки изрежет в куски, то сонной Васютке мух в рот напустит, то заберется на кухню и стянет там пирог». В народной речи и доньше можно услышать: *куролесить* и *куролесничать* – «озорничать, проказничать, буянить»; *куролес* и *куролесник* – «повеса, озорник, буян».

Если судить об этих словах «по одежке», то происхождение их объясняется вроде бы само собою; куролес составлен из *кур* + *о* + *лес*. Но подобное толкование «куролесно». Этимологи поясняют иначе. В древнее время на Руси некоторые церковные песни исполнялись на греческом языке, и смысл многих слов был непонятен и простому люду, и мелкому духовенству. Поэтому слова *кириэ элеисон* (а они буквально переводятся «господи, помилуй»), в которых русское ухо уловило, вроде бы, свои слова кур и лес, превратилось в куролеса. Нестрой-

ное пение, заминки, разноголосица, видимо, довершили не только звуковое переоформление слова, но и его переосмысление.

Куролесить стало означать: «говорить что-либо странное, непонятное». Ну, а отсюда лишь шаг до образования новых слов и новых значений, с чего мы и начали рассказ.

Синекура. Латинское *синэ курэ* значит «без заботы» (подразумевается: «о душах ближних»). Так в средние века стала называться доходная церковная должность, предоставляемая лицам за особые услуги. Почетная и прибыльная, эта должность не была связана ни с выполнением каких-либо обязанностей, ни даже с пребыванием на службе.

Сращение в единое слово произошло в языке-источнике, и слово перешло во многие языки со значением «любой выгодной должности, не требующей усилий», короче говоря, «теплого, доходного местечка».

Аврал. В сращении участвовали два английских слова: *овер* – «наверх» и *алл* – «все». Первоначально возникло в качестве морской команды, по которой весь экипаж судна срочно вызывался на верхнюю палубу. Вам знакомо и переносное значение слова аврал – «выполняемая всем коллективом срочная работа».

Ковбой. Слово-американизм. Так называют в западных штатах США пастуха-всадника, пасущего стада домашних животных на равнинах страны. Сложное слово образовано из *коу* – «корова» и *бой* – «парень» – «парень, пасущий коров», «коровий пастух».

Шедевр. Французское слово, которое может быть буквально переведено как «образец творения». Так в средневековых цехах именовалось изделие, которое необходимо было изготовить для получения звания мастера. Словосочетание, заимствованное русским языком в середине XIX века, еще в первом десятилетии XX века приводилось в словарях на французском языке – *chef-d'oeuvre*, а затем слилось в одно слово шедевр в значении «произведение высокого искусства, мастерства».

Ягдташ. Вполне обычно для немецкого языка образование этого сложного слова. Здесь *ягд* – «охота», *таше* – «сумка». Такое буквальное значение – «охотничья сумка» – сохранило слово и в русском языке.

Помидор. Название овощу дано в итальянском языке, где *поми д'оро* значит «яблоко из золота», «золотое яблоко». Указание некоторых словарей, что слово пришло к нам через посредство французского языка, нельзя принять безоговорочно, ибо тогда оно пришло бы к нам как *пом д'амур* – «яблоко любви», «любовное яблоко» – ведь именно так назывался там плод, который ныне еще именуется томат – из ацтекского томатль.

Пельмени. Сложное слово из финских языков, образованное из *пель* – «ухо» и *нянь* – «хлеб». Буквально значит «ушки из теста» – по форме, которую имеют эти изделия. Пельмени (из пельняни) образовано уже в русском языке.

Слалом. Этот вид скоростного горнолыжного спорта носит шведское название, ибо впервые получил широкое развитие в этой стране. Слово, ставшее сложным еще в шведском языке, составлено из *сла* – «склон» и *лом* (лам) – «след»; буквально: «след на склоне».

Шахматы. Наименование игры пришло во многие языки, в том числе и русский, из персидского языка. Образовано из слов *шах* и *мат*, что значит «шах (король) умер».

Орангутан. Сложное слово малайского языка, образованное из *оранг* – «человек» и *утан* – «лес» – «лесной (дикий) человек». Через посредство французского или немецкого языка слово, называющее человекообразную обезьяну, – орангутанг пришло и к нам с невесть откуда взявшимся в языках-посредниках конечным звуком. (Кстати: в малайском языке есть и слово орангутанг, но значит оно «должник».)

Карандаш. «Писчая палочка». Слово выведено из тюркских языков, где *кара* – «черный», *даш* – «камень», *карандаш* – «черный камень (сланец)».

Катамаран – так в ряде европейских языков называют двухкорпусное остойчивое судно, связанное общей палубой. Прообраз слова возник в тамильском языке, в котором *катту марам* буквально значит «спаренные бревна» и называет простейшее такого рода судно.

Безалаберный. Слово *алабор* встречается еще в словаре Даля: «устройство, распорядок, порядок». Безалаберный, следовательно, «беспорядочный».

Восвояси. Первоначальный облик этого слова – древнерусское сочетание «В своя веси», где *весь* – «деревня, село». Значение: «в свои деревни», «домой».

Курносый значит «с небольшим, вздернутым носом». Но как возникло такое значение?

В русском языке издавна существуют слова *корнать*, *о(б)корнать*, *корноухий*, созданные на базе прилагательного *корный* – «коротенький, куций, урезанный». *Кор(н)* или *кур(н)* заложены и в таких словах, как *прикорнуть* – «соснуть» (притулившись, примостившись), *кургузый* (где *гуз* – зад; можно вспомнить народное название птички – трясогузка).

Нынешнее *курносый* возникло из «корноносый». Усечение слога произошло благодаря фонетическому явлению – гаплогонии: один из двух одинаковых или близких по звучанию слогов должен покинуть слово. Так *радодушный* превратился в *радушный*, *знаменоносец* в *знаменосец*.

В слове *близорукий*, пережившем процесс гаплогонии, явственно звучит *близко* (от *близо*), а вот *рука* появилась в результате ошибочного произношения, а надо бы *зорок*. Теперь понятно: вначале было «близозоркий».

Неуклюжий. Слово может служить синонимом к «нерасторопный», «неловкий», «нескладный», «несовершенный». Современная речь не признает это прилагательное без отрицательной приставки. Но еще с полвека назад слово *уклюжий* («клюжий») можно было найти в произведениях писателей, и означало оно: «совершенный», «ладный», «подходящий». Оказывается, предком этого слова является существительное *клюдь* – «красота, порядок», сохранившееся и поныне в некоторых диалектах.

Набекрень. Диалектное *бекрень* – «бок». Шапка набекрень – сдвинутая набок, к виску.

На карачках. Собственно значит «на четвереньках». В древнерусском языке *корок*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.